

По распоряжению Чингиз-хана был разрушен водопровод Арзис и разломаны городские укрепления, т. е. стены шахристана и шахри-бируна, которые было запрещено возводить вновь из боязни оставить в тылу сильную крепость. Во второй этап развития феодализма, совпадающий уже с эпохой монгольского владычества, Самарканд вступил с опустошенным и полубезлюдным шахристаном и с лишенным стен, но пощажённым шахри-бируном. Первый вскоре окончательно захирел, а второй послужил ядром будущей столицы мировой империи Тимура.

Такова в самом кратком изложении периодизация истории Самарканда до монгольского завоевания в свете современных историко-археологических и историко-топографических данных, значительно отличающаяся от периодизации, предложенной А. И. Тереножкиным, согласно окончательным выводам которого этот город, между прочим, «в течение продолжительного отрезка времени после арабского завоевания включал в пределах городища Афрасиаб» (т. е. на площади несколько более 1 км²) и цитадель, и шахристан, и обширный пригород-рабад.

В отличие от работ прежних специалистов (В. В. Бартольд; В. Л. Вяткин и др.), исходивших в своих построениях в основном из дошедших до нас отрывочных и к тому же далеко не всегда использованных с достаточной полнотой сведений письменных источников, в которых Самарканд после IV в. до н. э. и до V в. н. э. включительно не упоминается, почему предвзято допускалось такое замиранье его чуть ли не на тысячелетие,—предлагаемая периодизация истории города построена на учете всех видов исторических источников, в частности памятников материальной культуры. Успехи советской исторической науки в познании прошлого народов Средней Азии позволяют надеяться, что скоро в нем не останется уже ни одной значительной лакуны. Для изучения же Самарканда необходимо развернуть археологические работы многоотрядной комплексной экспедиции в широком масштабе, как это намечалось перед началом Великой Отечественной войны. Только таким образом можно глубоко и серьезно двинуть вперед понимание истории не только самого города, но и Согды в целом.

Вместе с тем выясненная нами историческая топография Самарканда наглядно показывает, что она не укладывается в прочно вошедшую в науку со времени В. В. Бартольда условную схему, по которой средневековые среднеазиатские города якобы обязательно состояли из трех частей — цитадели, шахристана и рабада. В действительности эта схема для всего феодального периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии, которые, подобно Самарканду, в своем развитии, с одной стороны, зависели от скелета ранее сложившегося города времени рабовладельческого общества, и с другой,— на протяжении средних веков проходили сложный путь индивидуального развития, иногда распространяясь на новые территории, порой совершенно перемещаясь на новое место и члениясь не на три, а на большее число различных отдельных частей. Этой теме нами посвящается особая работа.

М. Е. Массон

К ВОПРОСУ О ХЕНТИУШЕ — МЕЛКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАХ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

«Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹.

Между тем история производителей материальных благ в древнем Египте до сих пор еще изучена далеко недостаточно. Причиной этого отчасти являются недостаточ-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 416.

ность и трудность понимания источников, которые могут пролить свет на эту проблему. Большой интерес с этой стороны представляют так называемые грамоты защиты храмов древнего Египта. Это декреты фараонов V и VI династий — надписи, высеченные на камнях, ставившихся перед вратами храма.

Буржуазные ученые в силу своей классовой ограниченности не смогли верно истолковать грамоты защиты, обычно ограничиваясь только филологическим разбором этих документов и их переводом и априори считая, что эти документы совершенно аналогичны иммунитетным грамотам феодальной Европы.

Лишь в советской науке было обращено внимание на социально-экономическую сущность этих документов. Именно в них акад. В. В. Струве черпал аргументацию в подтверждение своей точки зрения на древнеегипетское общество как общество рабовладельческое. Продолжение этой работы — актуальная задача советской египтологии.

Грамоты защиты освещают многие стороны жизни общества древнего Египта: поземельные отношения¹, положение древнеегипетских рабов (mr. t), различных категорий крестьян, вопросы налогообложения и др.

В содержании отдельных грамот защиты имеются значительные различия, которые, однако, до сих пор совершенно не принимались во внимание их исследователями. В настоящей статье мы попытаемся показать, что при исследовании грамот защиты необходимо различить две категории этих грамот, к первой из которых мы отнесем коптосские грамоты (VI, VII, VIII², а также связанные с ними по содержанию грамоты I—V³) и ко второй — дашурскую грамоту Пени I⁴. Такое расчлененное рассмотрение избавляет нас от многих ошибок, которые допускали исследователи при рассмотрении грамот защиты, когда огульно сваливали в одну кучу совершенно разные документы, имеющие лишь чисто внешнее сходство. Такое разделение грамот защиты позволяет нам более ясно представить истинное состояние экономики Древнего царства, подметить некоторые характерные черты рабовладельческого храмового хозяйства и дать характеристику одной из категорий мелких землевладельцев — хентиуше.

Согласно коптосским грамотам защиты, храмовое хозяйство освобождалось от следующих видов налогов и повинностей: 1) работ для царя: пастьбы скота⁵, земляных работ и переноски грузов⁶, полевых работ⁷; 2) работ по требованию начальника Верхнего Египта⁸; 3) транспортной повинности⁹; 4) поставок различных продуктов для дома царя: золота, бронзы, украшений, потребного для «дома жизни»¹⁰, — папируса, чернил, плит для надписей, медикаментов и т. д., годовых поставок продовольствия и кормов для скота, потребного для постройки судов, веревок, шкур¹¹ и 5) поземельного налога¹².

¹ См. Е. В. Черезов, К вопросу о поземельных отношениях в древнем Египте, ВДИ, 1949, № 3.

² K. S e t h e, Urkunden des alten Reichs. I, стр. 280, 284, 289. Далее сокращенно — Urk.

³ Urk., I, стр. 170, 214, 267, 279.

⁴ Urk., I, стр. 209.

⁵ VI, 5; VII, 4=Urk., I, стр. 281, стк. 3; стр. 284, стк. 9.

⁶ VI, 38; VII, 48—49; VIII, 4—5=Urk., I, стр. 282, стк. 17; стр. 286, стк. 9; стр. 289,

стк. 7.

⁷ VI, 45; VII, 61=Urk., I, стр. 283, стк. 15; стр. 286, стк. 13.

⁸ VII, 50; VIII, 6=Urk., I, стр. 286, стк. 9; стр. 289, стк. 7.

⁹ VII, 62; VIII, 18=Urk., I, стр. 286, стк. 14; стр. 289, стк. 12.

¹⁰ «Дом жизни» (pr-*ḥnḥ*) — учреждение, ведавшее составлением и перепиской документов, а также религиозных и научных текстов.

¹¹ VII, 51—62; VIII, 7—17=Urk., I, стр. 286, стк. 12; стр. 289, стк. 7—11.

¹² VI, 45; VII, 60=Urk., I, стр. 283, стк. 15, стр. 286, стк. 13.

Этот перечень повинностей свидетельствует о разносторонности хозяйства храма, который, наряду с земледелием, скотоводством и ремеслом, занимался, возможно, так же добычей золота.

Кроме того, коптосские грамоты охраняют людей храма — жрецов, сопровождающих, хранительниц, строителей и рабов (*mr.t*) — от перемещения на работы царя в мастерские (*is*) и на полевые работы; как это видно из грамот защиты в том случае, когда не было грамоты защиты, перемещение могло совершаться только на основании документа перемещения людей, исходящего от начальника Верхнего Египта¹.

Перечисленные налоги и повинности, от которых освобождают коптосские грамоты, это те налоги и повинности, которые должно было нести по отношению к государству храмовое хозяйство, а не хозяйство непосредственных производителей. Последним коптосские грамоты никакого облегчения не давали. Совершенно иначе трактуется вопрос дашурская грамота, где, наряду с защитой от некоторых налогов и повинностей, сходных с упоминаемыми в коптосских грамотах², основное внимание обращено на защиту мелких землевладельцев (*хентиуше*) от покушений на их владения. В строках 31—38³ дашурской грамоты дается защита от обработок полей рабами (*mr.t*) царской жены, царского сына, дочери, семера, сера или «мирными нубийцами»⁴. Из этого текста, таким образом, вытекает, что поля мелких землевладельцев (*хентиуше*) на территориях, не защищенных специальной грамотой, были постоянным объектом захватов со стороны знати.

В строке 65⁵ дашурской грамоты дается защита от «сбора урожая» со стороны мирных нубийцев. Как отметил еще раньше проф. И. М. Л у р ь е (ВДИ, 1946, № 3, стр. 128), это означало, что сбор хлебного поземельного налога производился прямо после обмолота и носил жестокий характер настоящего грабежа земледельца, которому ничего не оставалось в результате такого «сбора урожая». Паширус Британского музея, который относится, правда, к более позднему периоду, так рисует несчастную участь земледельца: «К пристани причалил писец. Он ведет учет урожая. Привратники вооружены палками, а негры — пальмовыми прутьями. Они (говорят): «Попадавай зерно». (Зерна) нет, и они бьют (земледельца). Он связан и брошен в колодезь, причем погружен он вниз головой. Его жена связана в его присутствии, и его дети в узах»⁶.

В грамотах, защищающих храмовое хозяйство, где вообще отсутствует какое-либо упоминание о мирных нубийцах, ничего подобного нет.

В строках 31—35 дашурской грамоты⁷ дается защита от захвата самих *хентиуше*, приписанных к определенному месту, со стороны какого-либо египтянина или мирного нубийца. Иначе обстоит дело в грамотах, защищающих храмовое хозяйство: храмовые рабы (*mr.t*) и свободные, находящиеся на службе храма, как мы видели выше, могли быть перемещены для работы в царском хозяйстве (правда, только на основании письменного документа).

¹ VI, 8—9; VII, 6—7=Urk., I, стр. 281, стк. 7; стр. 284, стк. 14.

² Исполнения разных работ для «дома царя» (*k³.t nb pr n³w.t*) и работ по перевозке грузов (*h³nb*) (стк. 4—13=Urk., I, стр. 210, стк. 2—6).

³ Urk., I, стр. 210, стк. 14—16 и стр. 211, стк. 1—3. Ср. стк. 77—79=Urk., I, стр. 213, стк. 1, где сказано: «Смотри же, не давай какого-либо поля каким-либо людям, обитающим в другом городе... помимо людей, обитающих в этих пирамидных городах». «Пирамидные города» — поселения при пирамидах для обслуживания заупокойного культа, в данном случае дашурская грамота имеет в виду поселения при двух пирамидах Снофру. Как видно из этого пункта, поля охранялись не только от посягательств знати, но также и посягательств на них населения других местностей.

⁴ Т. е. стражниками.

⁵ Urk., I, стр. 212, стк. 7—8.

⁶ «Хрестоматия по древней истории» под ред. В. В. Струве, I, М., 1936, стр. 34.

⁷ Urk., I, стр. 211, стк. 5—10.

В строке 67¹ дается защита от захвата источников орошения: «Приказало мое величество не приводить каких-либо людей для копания в устье водоема (§) «Боже-ственные места Каухора»².

Следующая строка (68) говорит о защите от обложения искусственных ирригационных сооружений: «каналов, прудов, колодцев, бурдюков, деревьев». Как показывает этот вид налога, все источники воды считались собственностью фараона и облагались в хозяйстве мелких землевладельцев, если у них не было «защиты», налогом. Этот вид налога показывает, что за орошение полей с мелкого земледельца драли три шкуры, облагая налогом не только воду в канале, водоеме, колодце, но и в бурдюках и даже деревья, в тени которых вешались бурдюки. В храмовом хозяйстве орошение, по видимому, не облагалось специальным налогом, и потому в коптосских грамотах мы не встречаем подобной «защиты».

Наличие в дашурской грамоте этих специальных параграфов относительно орошения приводит нас к заключению, что в хозяйстве хентиуше большую роль играло орошение при помощи искусственных сооружений (пруды, колодцы), что, возможно, отразилось и в названии их — «стоящий перед прудом» (*hntjwš*)³.

В ряде мест дашурской грамоты устанавливается защита службы и потребления жертв в храме: «Не разрешается входить каким-либо людям, находящимся у мирных нубийцев, для того, чтобы совершать ежедневную службу в храме этих пирамидных городов, для того, чтобы служить месячный праздник этих пирамидных городов, для того, чтобы вкушать жертвы этих пирамидных городов» (Urk., I, стр. 212, стк. 9—13). «Смотри же, не давай какой-либо жертвы (яств) каким-либо людям, обитающим в другом пирамидном городе. Смотри же, не давай какого-либо пайка людям, обитающим в другом пирамидном городе» (Urk., I, стр. 213, стк. 2—3).

Эти пункты говорят об особых привилегиях хентиуше и о наличии определенных связей между ними, вытекающих из их совместной службы и проживания в одном населенном пункте. В грамотах, дающих защиту храмам, подобины пунктов нет. Чрезвычайно интересны данные дашурской грамоты о наследовании положения хентиуше: «Приказало мое величество пополнять число хентиуше этих пирамидных городов, набирая детей всех, которые приписаны к этим пирамидным городам» (Urk., I, стр. 212, стк. 16—18). О такой передаче должностей своим детям нам известно из многих текстов Древнего царства. Этот пункт говорит, так же как и предыдущий, о замкнутости поселения хентиуше и охране фараоном их прав.

Обращает на себя внимание, что среди налогов, от которых освобождаются хентиуше, отсутствует поставка различных продуктов, о которых сказано в храмовых грамотах, не считая поставок скота и хлеба (сбор урожая). Это, по видимому, доказывает, что по сравнению с храмовым мелкое хозяйство в Египте было мало развитым.

Как показывает анализ налогов и повинностей, в грамотах говорится о двух совершенно различных системах сборов налогов. Можно было бы объяснить эту разницу тем, что эпоха дашурской грамоты другая, чем эпоха коптосских грамот. Однако разница во времени всего 25—30 лет, что является исторически несущественным для той эпохи, которой мы занимаемся. Следовательно, разница объясняется различным правовым положением двух разных категорий хозяйств.

Храмовое хозяйство, о котором идет речь в коптосских грамотах, это — крупное рабовладельческое хозяйство, а хозяйство хентиуше, это — хозяйство мелких земле-

¹ Urk., I, стр. 212, стк. 1—3.

² Толкование этого пункта Борхардтом как дающего «защиту от разрушения пирамиды Каухора» мало убедительно (L. Borchardt, Ein Königserlass aus Dahschur, ÄZ, № 42 (1905), стр. 8).

³ Эд. Мейер, Юнкер и другие переводят «хентиуше» как «арендатор», хотя полностью социальная сущность этого термина еще не ясна; согласиться с мнением Эд. Мейера и Юнкера мы не можем по той причине, что о наличии аренды в Древнем царстве Египта источники нам ничего не сообщают.

владельцев. Конечно, мы еще слишком мало знаем об этих хозяйствах: не знаем размеров наделов земли, которыми они владели, не знаем, как они жили и как работали. Об этом сохранилось мало документов, и дашурская грамота является для нас в этом отношении огромной ценностью, хотя сведения, сообщаемые ею о хентиуше, также сравнительно скудны.

В дашурской грамоте говорится также о постоянных жителях городов при пирамидах. Можно думать, что не все они были хентиуше. Поскольку хентиуше являются частью жителей городов при пирамидах, они пользовались, безусловно, всеми правами, которые были предоставлены и другим жителям. Однако некоторые пункты в дашурской грамоте указаны специально для хентиуше, и, таким образом, их права были несколько шире, чем права остального населения городов при пирамидах.

Среди титулов чиновников Древнего царства встречается и титул «хентиуше», который носили придворные чиновники. Это показывает, что хентиуше по своему имущественному положению, вероятно, не были однородной массой и наряду с мелкими землевладельцами, о которых говорится в данной грамоте, среди них были и крупные.

Е. В. Черезов

К ВОПРОСУ О ВТОРЖЕНИЯХ МАВРОВ В ИСПАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Ожесточенная борьба между античным рабовладельческим миром и окружавшей его огромной варварской периферией наполняет собой многие столетия древней истории. Ряд вышедших за последние годы общих трудов и специальных исследований рассматривают с разных сторон проблему постепенного падения античного мира под ударами варварских нашествий¹. Основное внимание при этом, естественно, уделяется варварским племенам Средней и Восточной Европы, столкновения которых с империей сыграли важную роль в смене рабовладельческого строя феодальным. Однако не следует забывать, что империя была вынуждена приходить в соприкосновение с варварским миром почти на всех своих границах, а не только на берегах Рена и Данубия. В Британии римским владениям угрожали первобытные племена Каледонии, в первую очередь пикты, и римскому правительству приходилось сооружать здесь не менее значительные оборонительные линии, чем на территории Декуматских полей. Септимию Северу пришлось вести нелегкую борьбу с каледонскими племенами, и позднее они нередко напоминали римской Британии о своем существовании. Восточным провинциям Малой Азии угрожали переходившие через Кавказский хребет аланы, свидетельством чего является «Диспозиция против аланов» Ф л а в и я А р р и а н а, бывшего в то время легатом Каппадокии. Помимо этого, племена, жившие в горных местностях между Римской империей, Арменией и Иберией и далее на север по берегу Понта — мосхи, гениохи, ахейцы и т. д., также совершали набеги на зависимые от Рима царства и эллинические города². Для Сирии важную проблему

¹ См. В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, II, 1938, стр. 743—762; Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1949, стр. 495—496; 623—626; С. И. Ковалев, История Рима, 1948, стр. 673—674; 678; 680—683; 728—741; А. Д. Дмитриев, Падение Дакии (К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров), ВДИ, 1949, № 1 (27), стр. 76—85; он же, Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, ВДИ, 1950, № 1 (31), стр. 66—80; Н. И. Голубова, Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, ВДИ, 1949, № 4 (30), стр. 62—74.

² Так, например, П л и н и й (NH, VI, 16) сообщает, что гениохи разграбили Питиунт.